

Семья певчих

Страстная неделя приближается к концу, а вместе с ней и Великий пост. На прошедшей неделе в православных храмах служба проводилась каждый день. И каждый день пел хор. Свято-Николаевскому собору в Монреале, можно считать, повезло. В числе его певчих – все члены одной семьи. Это семья Матениных: Ирина и Павел и их дети Екатерина и Дмитрий с женой Еленой. Мне давно хотелось побеседовать с ними, узнать, как они начали петь в храме, что привело их в хор. И однажды мне удалось их всех собрать вместе. Эта беседа состоялась чуть меньше года назад.

- Екатерина, вы один из регентов хора Свято-Николаевского собора. В вашем хоре из вашей семьи помимо вас поют еще ваши родители и брат с супругой. Как ты относишься к сложившейся ситуации?

Катя. Это здорово иметь свой хор!

- Катя, а как ты сама пришла в церковный хор?

Катя. Мне было лет восемь. Я только что поступила в русскую школу при церкви, а многие учителя пели в хоре. Я была маленькая. Мне не стоялось внизу и я прибежала на хор. Учителя меня взяли за руки и оставили там навсегда.

- С тех пор хор изменился?

Катя. Да, очень сильно. Раньше у нас было много старых певцов, а сейчас им уже и петь тяжело и подниматься вверх по лестнице.

- И ты все выучила, приходя на службу? Или дома тоже разучивала песнопения?

Катя. Нет, дома я училась играть на пианино. Ноты учила. А здесь я все это выучила по ходу, в процессе.

- Сколько лет ты уже поешь?

Катя. 10!

- Ты в вашей семье старейший член хора! Мама с папой стояли внизу – на службе. А брат служил в алтаре, а ты уже пела.

Павел. Она самое главное не сказала, что Гриша Боровик предложил нам пойти на хоры. Он тогда был регентом собора. Он учил нас петь. Это его заслуга, что мы пришли туда. Он нам сказал попросить благословение у наших священников, мы так и сделали. И пришли в хор, где он нам очень помогал.

Дима. Выгораживал... Люди приходят петь в церковный без музыкального образования (как, например, в моем случае!). Учиться петь на слух по-настоящему – очень долго. И я учился через подражание другим певцам. Это требует много времени и... терпения со стороны ближайшего окружения. Кто близко стоит, тот понимает, что человек поет плохо. Нужен кто-то, кто может за новичка заступиться и сказать: «Знаете что? Пусть учится! Он выучится!»

Павел. Григорий с супругой Ириной тогда всецело занимались хором, особенно по субботам. Мы с женой Ирой не всегда ходили в субботу, а Катя с Димой оставались после русской школы на службу, а вечером Гриша привозил их домой.

Дима. В течение 2-3 лет мы были здесь «захожанами», а не прихожанами.

Павел. Когда мы приехали, на месте церкви ничего не было. Церковь же сгорела 1998 году. И мы некоторое время ходили в церковь в Лашине. А потом, когда открылся вновь этот собор, мы стали ходить сюда. И здесь Катей занималась - и с

духовной точки зрения и с воспитательной - мама отца Михаила – матушка Тамара. Катя – фактически ее «приемная» внучка.

Катя. Она мне много рассказывала о своей жизни. Это был урок для меня лично.

Она была для меня как бабушка. Да и не только для меня, но и для всех деток...

- Я помню, в конце службы она раздавала всем конфеты...

Ирина. Да и не только деткам доставалось ее внимание, а всем, кто только приехал из России, она подходила к ним и спрашивала: «Не нужна ли вам помощь?». Она и ко мне так же подошла однажды.

Дима. Она делала это с благословения вл. Виталия.

Павел. Кате было не просто в самом начале. Не всем нравилось, что она маленькая девочка пришла петь в хор. В хоре пела Маргарита Александровна – пожилая женщина, которая и стала заниматься с Катей пением.

Катя. Это когда я в альты перешла...

Павел. Она сыграла в Катиной судьбе большую роль. До самой смерти она занималась с Катей. Еще с Катей занималась и мама отца Георгия – тетя Мария.

Ирина. Нам очень повезло с людьми!

Павел. Мы попали в окружение – дай Бог каждому. Народу было немного, не так, как сейчас. И прихожане были «старороссийские». Приехавших из России тогда было не так много. И не все ходили в церковь. Мы приехали из Подмосковья, из Лыткарино. Мы втроем родились в Иванове, а Катя – в Москве. Мы с Ириной учились на одном курсе в энегретическом институте. Познакомились в 17 лет, а после окончания вместе уехали по распределению.

Ирина. Мы уже вместе столько лет, что и не сосчитаешь!

- Вы росли в православных семьях?

Павел. Нет, мы крестились вместе с детьми. Мы жили в обычных семьях.

- То есть к православному пению никакого отношения не имели?

Павел. Никакого!

- Павел, а что же вас привело на хоры?

Павел. У меня созрело решение идти петь. Я для себя понял, что совмещать много вещей нельзя. Надо сделать выбор в соответствии с тем, к чему у тебя больше способностей и где ты можешь принести больше пользы.

- Вы учились музыке?

Павел. Да, в музыкальной школе. Мы с Катей учились музыке, а Дима у нас – физик, ученый.

- Ирина, а вы?

Ирина. Я любила петь всегда. Музыкальную школу я не закончила, поскольку в семье не было возможностей для этого. Но в 16-ти летнем возрасте у меня появилось подержанное пианино и я пошла в музыкальную школу. Оказалось, что в этом возрасте было поздно начинать. Я проучилась год, но любовь к музыке не прошла. Теперь я стараюсь воплотить ее в другом плане.

- У вашего хора огромный репертуар. Вы знаете множество песнопений...

Катя. Есть база песнопения. И когда ты ее знаешь, то все остальное стоит на втором плане.

Павел. Это так просто для Кати. Для нас все гораздо сложнее.

Катя. Есть базовые песнопения, для которых в нашем храме раньше даже нот не было. Пока ее не знаешь, то все остальное бессмысленно. Голосовое пение – это и

есть обиход. Всего восемь гласов. И у каждого своя мелодия. Каждую неделю поется свой глас. Если бы была служба каждый день, то пелись бы каждый день песнопения этого гласа.

- Катя, и тебе, как регенту, надо все это знать?

Катя. Да. Сначала я все учила в процессе. А потом наши священники послали меня в регентскую школу в Джорданвилль. Я этому была очень рада. Программа там рассчитана на три лета. По две недели каждый курс. В позапрошлом году я закончила курс и получила диплом. Не знаю, признают ли его в России. Там подобный курс ведется несколько лет.

- При этом у тебя есть и другая светская жизнь? Ты учишься или работаешь?

Катя. Учусь. Я учусь в колледже Ванье на медсестру. И потом буду дальше учиться в университете Макгил. Нас учат так, чтобы мы были готовы к любому делу.

- Получается, что здесь в церкви вашим пением лечатся души, а в миру ты будешь лечить людей от болезней. Очень гармоничное сочетание!

Катя. Слава Богу!

- Дима, а когда вы начали прислуживать в алтаре?

Дима. Мне было лет 14, в 2002 году. В церкви такое происходит часто: если молодой человек стоит на службе в храме, то он что-то делает. Кто-то иконки поправляет, кто-то свечки тушит. Но это работа не мужская. Тогда юноше говорят, что мол, давай реализуй свое участие в церкви более действенным способом. Это работа – прислуживание в алтаре. И я помню, что когда я стоял в церкви сам по себе, то я не все понимал, что происходит, и было скучновато. И было просто трудно стоять на двух ногах. Два часа. Есть радиус ковра, по которому можно топтаться... Это была моя юность, ранняя.

Павел. В 14 лет мальчику надо бегать, прыгать...

- Мне известны примеры, когда родители отдают своих мальчиков прислуживать в алтарь, чтобы они были заняты делом во время службы.

Дима. Александр Иванович Перекрестов и Григорий Васильевич Буровик предложили мне прислуживать в алтаре, где я служил с 14 до 18 лет. Сначала было нелегко. Но благодаря тому, что все повторяется, то я быстро освоил многое в службе.

Павел. И однажды о. Михаил ему сказал, чтобы он пошел на хор и стал изучать службу.

Дима. Это был серьезный разговор. Когда я начинал прислуживать, нас было мало в алтаре – один – два человека. А сейчас может быть и до 10-ти. Я хорошо помню, как первый раз я пришел на хор. Это было в Чистый понедельник, в первый день Великого поста. Я пришел в алтарь, поздоровался с о. Георгием. И он мне сказал, что сегодня мне в алтаре нет дела. Никаких действий не будет. И предложил мне пойти на хор и петь. И там уже Гриша занимался мной как новым хористом. И было так интересно. Я оставил алтарь, где уже что-то знал. И пришел в то место, где я вновь был последним. У меня не было никакой ответственности. Стоял подпевал. Я стал петь в 18 лет, когда голос перестал ломаться.

- Кстати, о голосах. Катя, разве у тебя альт?

Катя. Нет, в том-то и дело. Я прошла через разные периоды. Начала с сопрано. Потом мне в группе сопрано разонравилось и я пошла в альты. А потом стала заниматься вокалом и моя учительница сказала, что у меня все же сопрано.

Дима. У меня бас.

Ира. У меня меццо-сопрано. Но у нас нет партии меццо-сопрано, поэтому приходится петь сопрано. И мне немножко тяжеловато.

Павел. Пою басом, баритоном, а когда Катя просит, пою тенором. А там, где я не могу взять тенором, то Катя сама берет тенором. Альт и сопрано у нее тоже легко выходит. Она этим владеет без проблем.

- Вот почему создается такое ощущение, что у вас на хорах полный хор. А когда вы спускаетесь, то всего лишь небольшая группа людей. И тогда думаешь: надо же какой звук! Дима, расскажите о себе. Вы учитесь?

Дима. На данный момент я заочно учусь в Лавальском университете, пишу докторскую диссертацию. Область моих исследований – медицинская физика.

- Ира и Павел, вы тоже связаны с медициной?

Оба. Нет.

- Значит, с физикой?

Оба. Нет, инженеры мы.

Ирина. Я сразу нашла работу, даже нигде не доучивалась. Со мной произошло чудо – Господь послал работу. Павел уже начал работать, а я как раз закончила курсы по языкам, дети подрастали и надо было что-то делать, помогать Павлу. Я пришла однажды в церковь на вечернюю службу и была так потеряна. Я стояла и плакала и говорила: «Что мне делать?». Через три дня мне позвонила знакомая женщина и предложила мне работать вместо нее. Она привела меня на свое место и с тех пор я работаю в администрации, хотя и не по специальности, но работаю.

- Я так понимаю, что когда вы собираетесь на хорах, а Катя вами руководит, то все вы ей внимаете, ее слушаете и не спорите?

Катя. Чаще всего они не спорят.

Дима. Она сама говорит, когда нам можно высказаться. Регент должен быть человеком с авторитетом. Он может спросить у хора, что хор хочет петь. И Катя нас балует.

- То есть авторите у младшей сестры и дочери есть? Вы ей доверяете?

Ирина. Да, и чем дальше, тем больше. Когда она только начинала руководить, мы ей могли сказать, что, мол, давай сделаем так, а не так. Чем больше она руководила, тем меньше мы проявляли свою инициативу, а больше слушались.

Дима. Ее учеба в школе все изменила. Она получила такую информацию, которая нам недоступна.

Павел. Они же еще ездят на конференции регентов. Там изучают самый разный опыт – канадский, американский. Там они видят очень много разных стилей руководства.

- Лена, вы тоже давно поете?

Лена. Я приехала в Монреаль в 2007 и сразу пошла в хор. Мне тогда было 17 лет.

- До этого вы тоже пели?

Лена. Я ходила в церковь, у меня всегда было желание петь в хоре, но стеснялась, боялась.

- А почему здесь не застенялись?

Лена. Не знаю, решила, что пора.

- Есть у вас музыкальное образование?

Лена. Два класса музыкальной школы.

Павел. Тогда в хоре пела Оля Белкина. Она однажды приходит и говорит, что в хор пришла девушка, которая сразу стала так удивительно петь. Это она о Лене говорила. У Лены очень хороший слух. Единственная проблема – это слова. Но это у всех у нас такая проблема. Надо сразу следить за всем: мелодией, текстом... Хор достаточно быстро поет, и сначала не всегда успеваешь за всем следить. А потом, когда запоминаешь слова, то уже проще следить за нотами...

- Если честно, то мне трудно понять, как вы можете выдерживать все службы от начала и до конца, а на Страстной неделе и по два раза в день. Вы с утра на голодный желудок каждое воскресенье поете до полудня. Что вам помогает, что дает вам силы?

Ирина. Господь помогает.

Дима. Я от себя скажу. Скорее, это долг перед людьми. Если Бог поставил на это место, то это наше призвание. И поэтому, в отличие от земной профессии, от этого нельзя отказаться. Это духовное призвание. Его можно только затормозить. Если раньше, когда я ходил в школу, то я мог сказать себе, что устал и останусь дома. Когда прислуживал в алтаре, то даже если я не приходил, я знал, что служба пройдет, потому что батюшка будет служить. Он там главное действующее лицо. Прислужники украшают службу, а священник совершает Таинство. А я мучился, если не приду, кто будет носить свечку. И сейчас то же самое: если не приду, кто будет петь. И Бог посылает певчих. Сколько раз так было – болеешь, температуришь, остаешься дома, чтобы не заразить остальных – лежишь и мучаешься: кто же будет петь. И вдруг совершенно непонятно откуда приходят люди и поют. Было так, что мы ездили в путешествие в Америку, искали и находили там Православный храм. И попадали туда в то время, когда их штатный хор был в отпуске. И мы пели. Бог посылает всегда. Даже если ты не придешь, кто-то придет и сделает.

Павел. Вам только кажется, что мы делаем какие-то невероятные усилия. Это только впечатление со стороны. На самом деле это не так.

- Как раз такого впечатления нет – кажется, что вам дается это легко.

Павел. Все очень просто – мы пришли в церковь, попели. И наши мирские проблемы решились сами, или мы, будучи в церкви, не влезли в какие-то проблемы. Если человек хочет прийти в церковь и отдать свои силы на служение Богу, то Господь во всех делах помогает и дает во много раз больше, чем человек того заслужил. И наказывает во много раз меньше, чем человек того заслужил.

Дима. Бывает, человек приходит в церковь из мирской жизни, просит у Бога решения своих проблем, и Господь ему помогает, дает то, что просится. И одновременно человек приобщается к духовной жизни. А через пять-десять лет он понимает, что у него все, что он хотел, есть, но это не то, что нужно. И тогда он начинает искать Рай. За то время, что человек был в церкви, он понял, что все его прошлые проблемы – ерунда.

- На Пасху вы много поете, длинные службы идут одна за другой. Я спросила одну из хористок, как она выдерживает такое расписание. Она ответила, что в какой-то

момент открывается второе дыхание, и ты поешь и поешь, и даже еще лучше поешь. Вы это тоже чувствуете?

Ирина. Если голос не закроеется, то второе дыхание открывается.

Павел. Тут вопрос опыта. Когда мы только начинали ходить на службы первой недели Великого поста, то это было невероятно сложно. А сейчас уже идет по накатанной. С опытом приходит облегчение.

Дима. Второе дыхание – это дар свыше. Это не приходит просто так.

Ирина. Когда я подхожу к Пасхе, на Страстной Неделе – я думаю, что не могу ничему радоваться. Иду как робот петь. А когда наступает Пасхальная служба, священник кричит: «Христос воскрес!»), то радость приходит. Хотя еще за пять минут до этого мне все было все равно, лишь бы выстоять. И после тоже все хорошо.

Дима. О. Михаил говорит, что на Пасху он чувствует, что нет границы между небом и землей. Это происходит во время Пасхальной службы. Это уникальное время. О. Михаил говорит, что в это время от ощущения этой благодати хочется, чтобы Господь забрал тебя к себе. Но потом ты понимаешь, что твоя миссия еще не закончена. Ты понимаешь, что еще нужно продолжать ходить в церковь, петь, читать...

Павел. Очень важно, чтобы люди приходили в хор и пропускали через свое сердце и душу слова к Богу. Когда они стоят внизу, им сложнее молиться и понимать, что происходит в храме. Место на хорах у нас всегда найдется. В субботу вечером можно весь храм привести на хор.